

А. САХАЛТУЕВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ЧИТАЕТ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

(По материалам яснополянской библиотеки Л. Н. Толстого)

К 100-летию
со дня
смерти
Диккенса

Чарльз Диккенс был одним из любимейших писателей Толстого. Еще в юности на него произвел огромное впечатление «Давид Копперфильд». Понравилась ему и лекция Диккенса о воспитании, которую он слушал в Лондоне в феврале 1861 года. Лекция не могла не заинтересовать Толстого. Как известно, в тот период Лев Николаевич много сил и времени отдавал занятиям в основанной им яснополянской школе.

Чарльз Диккенс был близок Толстому своей любовью к людям, правдивым отображением жизни и, кроме того, взглядами на воспитание, выраженными в его творчестве.

Английский писатель считал, что искусственное, чересчур раннее пичканье знаниями нежного и слабого еще ума ребенка приносит непоправимый вред, испытывал отвращение к школьной муштре. Эти педагогические идеи получили свое художественное воплощение в романе «Домби и сын». Рассказав о доведенных до одурения Тутсе и Бриггсе, о смерти маленького Поля Домби, перенапрягшегося при занятиях в учебном заведении доктора Блимберга, Диккенс выступил против так называемого классического образования, которое на практике часто сводилось к бестолковому зазубриванию текстов латинских и греческих авторов.

С неменьшей силой обрушился Диккенс в романе «Тяжелые времена» и на узкоэмпирическую систему обучения, изгонявшую научные обобщения и творческую фантазию, признававшую лишь «факты, факты и только факты», которую насаждала миссис Гредграинд. А в романе «Жизнь и приключения Николаса Никлби» писатель резко осудил процветавшую в йоркширских шко-

лах палочную систему, введенную проходцем Сквирсом.

Толстому, который чутко и осторожно подходил к раскрывавшимся перед ним, школьным учителем, душам крестьянских детей, Толстому, который считал, что в его время общество не имело права навязывать ребенку свои, во многом извращенные, представления, человеку, полностью отрицавшему телесные наказания, — эти взгляды Диккенса были несомненно близки.

Великому русскому писателю был близок гуманизм Чарльза Диккенса, его сочувствие бедным и угнетенным, страдающим и обиженным, его вера в торжество добра.

Толстой ценил образность, юмор Диккенса — в частности, юмор «Посмертных записок Пиквикского клуба», — считал его «настоящим учителем литературного языка».

В «Записке» к Черткову, по поводу издания книжек «Посредника» (1885), Толстой замечает о переводах романов английского писателя: «Стоит того попытаться это и именно на Диккенсе передать всю тонкость ироники и чувства — выучить понимать оттенки. Для этого нет лучше Диккенса». В ноябре того же 1885 года Толстой высказывает такое суждение об английском писателе: «В последнее время я только перечитывал романы Диккенса — «Крошка Доррит», «Холодный дом». По-моему, Диккенс еще вполне не оценен. Мы Диккенса не знаем, но какая это сила! Прежде эти романы мне казались тяжелы и скучны, но теперь — нет. Что это за сила! У него на сцене десять лиц, и вы, читая, ни про одно не забываете: каждое так и бьет вам в глаза! Все эти английские учреждения являются у него в ироническом свете, все одето такой иронией!.. Герои у него, по-моему, не лорды и т. п., а ободранные, с лицом, попорченным оспой, люди — вот

его настоящие герои. Его роман «Оливер Твист» — прекрасный...»

Среди произведений Диккенса, хранящихся в Яснополянской библиотеке¹, имеется роман «Холодный дом», сброшюрованный из семи отдельных оттисков, взятых из журнала «Отечественные записки» за 1854 год. В этом экземпляре есть характерные для Толстого двойные загибы уголков страниц и подчеркивания, сделанные при чтении². Внимание Толстого привлекла сцена, в которой выведены владелец «Галереи-тира» кавалерист мистер Джордж и его слуга Фил Сквот (гл. XXVI «Стрелки»)³. Он подчеркивает в начале главы черным карандашом и ногтем утверждение: «Страшен демон под грубой рубашкой или под грубым балахоном, но еще страшнее он, еще опаснее, еще нечувствительнее под белой манишкой, с золотой булавкой, под именем джентльмена; за карточным столом, за билльярдом с кием в руках, с краткими сведениями о векселях, билетах и заемных письмах; еще невыносимее он в этой форме, чем в какой бы то ни было другой».

Заинтересовался Толстой и проникнутым народным юмором рассказом Фила Сквоты, прошедшего все испытания трудовой жизни, обожженного и израненного (как будто бы на войне побывал!), обладающего прямым, открытым характером. Толстой подчеркивает часть его «спича»: «А после годов с дюжину работал я в темной кузнице; народ там был не очень добрый, да в газовом заведении чуть-чуть было не сгорел...» и т. д. Отчеркнуто и то место речи, где Фил Сквот говорит о полученной им жизненной закалке: «И коли нужна цель, и ее нет, пусть стреляют мне в рожу. Ее не испортят, пусть стреляют! Если нужно боксироваться, да не с кем, пусть боксируют меня; пусть стучат в голову — нипочем! Если нужно для силы бросать тяжесть вверх, как в Корнвалле, Девоншайре или Ланкшайре, пусть бросают меня — не бойсь! Не расшибут, меня подбрасывали на все лады — ничего!»

В английском тексте романа «Холодный дом» («Bleak House») в главе XI, с ироническим (по отношению к лицемерному «обществу») заглавием «Возлюбленный брат наш», в которой рассказывается о смерти от неумеренной дозы опиума бедного, одинокого сорокапятилетнего переписчика, скрывавшегося под псевдонимом Немо — капитана Хаундона, Диккенс, обращаясь к погибшему, желает, чтобы «он поднялся призраком возмездия у ора многих болящих», явился «постыдным свидетельством будущим векам о том времени,

¹ Автор этой статьи выражает свою признательность заведующей библиотекой музея-усадьбы Ясная Поляна А. Б. Векслер, любезно поделившейся с ним выписками помест Л. Н. Толстого из английского текста сочинений Диккенса и их переводами.

² В 1885 г. Толстой читал роман «Холодный дом» по-английски, о чем писал своей старшей дочери Татьяне Львовне (П. С. С., юбил. изд., т. 63, стр. 293).

³ Чарльз Диккенс. Собр. соч. в 30 томах. М., 1960, т. 17, стр. 201—202.

когда цивилизация и варварство совместно вели на поводу наш хвастливый остров».

Толстой отчеркивает черным карандашом строки, которым соответствует следующий русский перевод английского текста: «Внемли, ночь, внемли, тьма, тем лучше будет, чем скорей вы придете, чем дольше останетесь в таком месте, как это! Внемлите, редкие огни в окнах безобразных домов, а вы, творящие в них беззаконие, творите его, хотя бы отгородившись от грозного зрелища! Внемли, пламя газа, так угрюмо горящее над железными воротами, в отравленном воздухе, что покрыл их колдовской мазью, слизистой на ощупь! К каждому прохожему зывай: «Загляни сюда!»

Это обличение лицемерной морали буржуазного общества отчасти переключается с толстовским «Люцерном».

Переключается с толстовской критикой буржуазного суда и показанная в романе Диккенса бесконечная тяжба «Джорндис против Джорндиса», от которой выигрывают только судьи, собирая пошлины. Внимание Толстого привлекла и фигура маленького дворника, мальчика Джо. Строки в главе XI, в которых говорится о забитости и — вследствие этого — неразвитости мальчика, Толстой отчеркивает черным карандашом. Соответствующий русский текст: «Зовут — Джо. Так и зовут, а больше никак. Что все имеют имя и фамилию, он не знает. Никогда и не слыхивал».

Привлекают внимание Толстого и яркие картины другой «человеческой комедии». В английском тексте романа Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита»⁴ на ряде страниц сделаны «двойные» загибы уголков, свидетельствующие об интересе писателя к тексту.

На странице 351 загнут вдвое нижний угол ее (соответственно в русском издании страницы 394—395). Диккенс изображает разгул тщеславия и лицемерия в связи с похоронами богача Энтони Чезлвита (брата Мартина Чезлвита-старшего). На похоронах искренне горюет об умершем один лишь старший конторщик Чаффи. Остальные же — сын Энтони, Пексниф, гробовщик мистер Моулл, доктор, присутствующие на пышных похоронах, — обделывают свои дела, позируют и лицемерят. С большой художественной силой Диккенс изображает безутешное горе старого, преданного служащего. «Я любил его, — плакал старик, бросаясь на могилу после того, как все уже было кончено. — Он был очень добр ко мне. О мой дорогой старый друг и хозяин!»

Не успев похоронить отца, сильно перетрусивший Джонас (он считает, что отравил отца) обретает свои обычные, наглые манеры. Джонас начинает сватать дочь Пекснифа.

⁴ Life and Adventures of Martin Chuzzlewit. Leipzig, 1844.

А. САХАЛТУЕВ
ЛЕВ ТОЛСТОЙ ЧИТАЕТ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Эту торговлю двух лицемеров (показанную в главе XX, иронически названной «...глава о любви») Толстой также отмечает двойным загибом уголка 353—354 страниц английского текста романа.

Затем следует беспримерная по своему низкому сцене, когда Джонас делает предложение младшей дочке Пекснифа, «веселой» Мерси в присутствии старшей его дочери — Черити, за которой Джонас ухаживал. Стр. 365 английского текста, на которой показано завершение объяснения, где Джонас выторговывает у «архитектора» лишнюю тысячу фунтов приданого, и появление Тома Пинча — с известием о приближении к дому Пекснифа Мартина Чезлвита-старшего, — Толстой также отмечает двойным загибом уголка.

Зантересовала Толстого и сцена, когда Мартин Чезлвит и Марк Тепли в сопровождении генерала Сайерса Чока отправляются к агенту по продаже земельных участков мистеру Скэддеру, который предлагает им участок на болоте, в районе будущего города со звучным и многообещающим названием Эдем (в дальнейшем из этого «Эдема» измученные Мартин и Марк еле «уносят ноги»). На стр. 383—384 английского текста мы видим двойной загиб уголка⁵.

И, наконец, в первом томе английского текста «Жизни и приключений Мартина Чезлвита» обращает на себя внимание Толстого картина болезни молодого человека — помощника врача Льюкома, лежащего в горячке в гостинице «Бык» и пестуемого корыстной сиделкой миссис Гэмп. Больной в бреду пронзительно кричит: «Чезлвит! Джонас! Нет!» Льюком, обнаружив, что он не в состоянии вернуть долг Джонасу Чезлвиту, передает ему яд, которым тот собирался отравить отца — Энтони Чезлвита. А затем, будучи тяжелобольным, Льюком страдает от угрызений совести. На стр. 449—450, на которых изображена картина болезни Льюкома, двойной загиб уголка⁶.

В томе 91 лейпцигского издания 1846 г. (Collection of British Authors Tauchnitz Edition) напечатана «Рождественская песнь в прозе» Чарльза Диккенса; Толстой подчеркнул в ней предложение, которым описан тяжелый лондонский туман, что в русском переводе звучит так: «...можно было подумать, что сама Природа открыла где-то пивоварню и варит пиво к празднику».

Кроме того, Толстым сделаны подчеркивания черным карандашом отдельных слов в большом абзаце, в котором дана характеристика скряги Скруджа.

Зачем Толстой подчеркивал отдельные слова в английском тексте? Такие слова, как the grind — точильный (в предложении «the grinde-stone, Scrooge!» — «точильный камень, Скрудж!»); squeezing — выжимать, сжимать; shrivelled — сморщиваться,

съезживаться, сжаться; shrewdly, shrewd — пронзительный, ловкий; Christmas — Рождество. И выражения «on his eyebrows, and his wiry chin» — «его брови и его заостренный подбородок» и «chill him» в предложении «no wintery weather chill him» — «никакой мороз его не пробирал».

Зачем он это делает?

Здесь следует вспомнить приведенные выше высказывания Толстого о том, что именно на Диккенсе лучше всего «выучиться понимать оттенки». В том же рассказе Толстой после слов «с дурным глазом» (собаки — поводыри слепцов, завидев Скруджа, стремились утащить своего хозяина в подворотню, а потом долго виляли хвостом, как бы говоря: «Да по мне, человек без глаз, как ты, хозяин, куда лучше, чем с дурным глазом») ставит крест; он подчеркивает последние слова «and swallowed up the whole» в предложении, которому соответствует русский текст: «Однако нет — лицо Марли, умершего семь лет назад, возникло вдруг перед ним, ожившее вновь, как некогда жезл пророка, и заслонило все остальное».

Интересуясь Диккенсом и высоко ценя его, Толстой читал и перечитывал произведения великого английского писателя по крайней мере трижды: в молодости, в пятидесятых годах прошлого века; в 1885 году, подбирая материал для издательства «Посредник», деятельность которого он тогда направлял; и в старости, в 1905 году, составляя календарь, так называемый «Круг чтения»⁷.

Издательство «Посредник», по совету Толстого, выпустило в сокращенном и переработанном виде произведения Диккенса. Оно придало книжкам привлекавшие широкого читателя того времени интригующие и разъясняющие содержание заголовки. «Любовь в тюрьме, или Маленькая Доррит» («Крошка Доррит»), «Дочь каторжника, или Из кузницы в богатство» («Большие ожидания»), «Страшные видения, или Воскресшая душа» («Рождественская ночь»), «Дети богача» («Домби и сын»). «Оливер Твист» в издании «Посредника» назывался «Воровская шайка. Приключения бедного Оливера Твиста» (М., 1900).

Толстой воспринимал Диккенса как живого, духовно близкого человека. Предвкушая удовольствие от чтения Диккенса, Толстой говорил своим домашним в 1905 году: «Там он (Диккенс.— А. С.) сидит в моей комнате, дожидается меня. Как хорошо! ...Он любит слабых и бедных и везде презирает богатых»⁸.

В своем эстетическом трактате «Что такое искусство?» (1898) Толстой относил произведения Диккенса к высшему роду искусства, способствующему единению людей.

⁷ В январе 1905 г. Толстой читал в оригинале «Лавку древностей».

⁸ Д. П. Маковицкий. «Яснополяские записки». М., 1923, вып. 2, стр. 25, запись от 4 февраля 1905 года.

⁵ Русский текст соответственно в томе 10 собр. соч. Диккенса, стр. 428—429.

⁶ Там же, стр. 500—501.